

Дмитрий С. Бочаров

Восхождение на эшафот (Николай I)

Действующие лица:

Николай – Николай Первый

Михаил Павлович – Великий Князь, брат Николая Первого

Алексей Горошин – офицер артиллерии, на стороне Николая и... декабрист.

Первый придворный – человек свиты

Второй придворный – ещё один человек свиты

Алексей Фёдорович Орлов – генерал-адъютант, командир лейб-гвардии конного полка

Митрополит Серафим – Петербургский и прочих епархий

Митрополит Евгений – Киевский и Галицкий

Граф Милорадович – военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга

Первый артиллерист

Второй артиллерист

Кондратий Рылеев – поэт, радикальный декабрист, руководитель восстания

Александр Якубович – герой кавказец, тем неожиданнее предательство

Александр Пушкин – поэт, гений

Сергей Трубецкой – князь, полковник, несостоявшийся диктатор декабристов

Николай Панов – поручик лейб-гвардии Гренадёрского полка, декабрист

Евгений Оболенский – князь, один из руководителей восстания

Пётр Каховский – радикальный декабрист, обagrивший руки кровью Милорадовича

Вильгельм Кюхельбекер – лицейский друг Пушкина, декабрист

Юстина – сестра Кюхельбекера

Анна – жена Горошина

Наталья – жена Рылеева

Крестьянин – случайно оказавшийся в пекле событий персонаж.

Жандармский офицер – службист, в свободное время, любитель высокой поэзии.

Солдаты, офицеры, жандармы и прочие участники событий

Первое действие

Шум толпы (за занавесом)

... Что там? Что?

... Ничего – бунтуют.

... Что хотят?

... Не хотят присяги.

... Николая – с престола сдует
от солдатской хмельной отваги.

... Константин – государь законный!

... Потому и стоят стеною –

Пётр Великий, за их спиною

вздыбил кОня.

Тем временем, открывается занавес. Сенатская площадь. Пушка с расчётом. Николай, в мундире Измайловского полка, задумчиво сидит на полковом барабане. Неподалёку волнуются преданные царю военные, штатские и духовные. Где-то, вне пространства сцены (скорее всего, со стороны зала), мятежное каре декабристов. В их сторону и нацелена пушка.

Первый артиллерист

А хорошо бы... стрЕльнуть для согрева!

Уж больно зябко...

Второй артиллерист

СтрЕльнуть? В них? Ты что?!

Ведь там – свои!

Первый артиллерист

Свои? А тот, в пальто?

Там... слева.

Он тоже свой? Вглядись, ну чисто немец –

Как чёрный грач, слоняется один.

Знать, дворянин.

Второй артиллерист

Известно, иноземец –

А всё ж... русак. Ну как стрелять в своих?

Вон, государь... и тот – засомневался,

Сидит... притих.

Первый артиллерист

Уж больно зябко. Я бы отстрелялся...

Горошин

О чём сомнения? На площади – свобода.

Она и для тебя, и для него.

Лишь нужно поддержать друзей народа.

Второй артиллерист

А сам-то здесь чего?

Раз там – друзья.

Горошин

Прошу не забываться!

Второй артиллерист

Виноват!!

Горошин

...Прости несдержанность – ведь я... твой друг, солдат.

Второй артиллерист

Вы... офицер. Вам другом быть нельзя –

Как покомандуешь?

Первый артиллерист

Замёрз я. Мочи нет.

Такое, вишь, событие в стране...

Горошин *(вскакивая, при виде приближающегося Михаила Павловича)*

Великий князь! Про что общаюсь с вами...

Второй артиллерист

Язык, понятно, держим за зубами –

Сочувствие бунтовщикам опасно.

Горошин

Прекрасно.

Михаил Павлович *(подходит, нарочито панибратски)*

Ну, как готовность? Говорите просто,

Без церемонии. Мы здесь – друзья.

Горошин

Ориентиром – памятник. Промазать в цель – нельзя.

Мятежное каре – сродни погосту.

Но... позабыли подвезти заряды.

Михаил Павлович

Мы в курсе. Привезут, как станет надо.

Пока надеемся на силу слова.

Но быть готовы!!

Да... как закончится, готовьте грудь к награде.

(вздыхая, уходит) Прадедушка – мишень для наших ядер!

Первый артиллерист *(вдогонку)*

И водочки!

Михаил Павлович

И водочки для всех. *(уходит)*

Второй артиллерист

Запутался ты, барин, просто смех –

На площади друзья, а сам, как в тире,
Об верном говоришь ориентире.

Николай одинок – он среди всех и... ни с кем.

Николай

Видит Бог, не хотел. Так вышло.
Но пришлось, против воли, мне
Рай семейный менять на дышло –
Стать возничим своей стране!
Видит Бог, не хотел. Внезапно
Оказался за всех в ответе.
Я – отец. Россияне – дети.
Если б время вернуть обратно...
Но, отныне, за всё царство,
Отвечаю своей главой.
... Только стоит ли государство
Крови, пролитой за него?
Бунт – не праздник. К чему салюты?
Жерла пушек готова к бою,
Спору истово сам с собою –
И теряю часы... минуты.

Появляется Милорадович. Он в парадном мундире, весь в орденах. Но... одежда его в беспорядке, что контрастирует с нарочитой помпезностью облика – мундир растёгнут и частью вытащен из-под шарфа, воротник несколько оторван, лента измята, галстук скомкан.

Милорадович (*резко схватив Николая за локоть, почти оборотив его к себе лицом*)

Смотрите, государь любезный мой,
Они всё это сделали со мной.

Пытался к Вам пробиться, но толпа
 Возбуждена, безжалостна, груба –
 Чуть не порвали мне мундира...

Николай (*досадливо высвобождаясь*)

Граф,
 Вы забываетесь, меня за локоть взяв –
 Я Вам не подчинённый. Я – Ваш царь.

Милорадович

Простите солдафона! Вновь, как встарь –
 Как были Вы ребёнком...

Николай

Лучше б Вы
 Не допустили бешенства толпы.
 Вы губернатор, кажется, ещё?
 Иль... бунт есть бунт, а Вы здесь ни при чём?

Милорадович отходит, озадаченный неожиданным конфликтом.

Николай

...Как мерзостно метёт. Плевками в душу
 Ссыпается холодный мокрый снег.
 Бунтовщиков, зевак, придворных – всех
 Пинками разогнать! Чего я трушу?
 Боль недовольных – невелик урон.
 Снежком метнуть ядро – пускай сыграют
 В хождение над бездною... по краю.
 И ад их поглотит! Проклятый трон –
 Шатается, не обещая рая...

Митрополит Серафим

Благословляю меч в руке царя –

Пускай разит отступников!

Николай

Не время.

Пока есть шанс на мир – я добр со всеми.

Митрополит Серафим *(покладисто)*

Тьму сердцем осветим, любовь даря...

Первый и второй придворный вбегают, перебивая друг друга.

Первый придворный

Государь, нужно что-то делать!

Второй придворный

Государь, не сидите сиднем!

Митрополит Евгений

Государь, станьте жёстким, смелым!

Государь, что-то делать надо!

Там, на площади – тати, злыдни.

Второй придворный

Им бы крови – так пусть зальются!

Прикажите поджечь заряды –

Пусть сердца их шрапнелью рвутся!

Так и надо им! Так и надо!

Николай

Разве... много их там?

Первый придворный

Не очень.

Но страшны – потому, как злобны.

Эти звери на всё способны –

До особы царя охочи!

Якобинцы!

Митрополит Евгений

Куда там, хуже –

Им желательна смерть России!

Митрополит Серафим

Поглядите – вороны кружат

Над шеренгою их спесивой.

Все, как есть, вольнодумцы! Стая

На Россию свой клюв раскрыла.

Но затея её пустая –

У орла посильнее сила.

Государь, напусти орла –

Пусть расправит свои крыла!

Милорадович (в переживаниях, про себя)

Завтра всё мне припомнит он,

Если выстоит шаткий трон.

...Список общества мной изучен.

Можно было б провесть аресты,

Чтоб всех разом – петлёй за шеи!

Да... не смею.

Жаль – среди них слишком много лучших:

Здесь – Рылеев, на юге – Пестель.

Нужно выждать – куда пойдёт?

Слишком странно скользит интрига.

Жизнь – не книга.

Но... читается, в свой черёд.

Бродит тесто страны... в замесе

Столкновения интересов.

(активизируясь, вслух) Государь, вся беда – в присяге.

Провести бы её попозже –

Пусть бы брат сам отдал трон,

Присягнул пред державным стягом...

Николай

Ни за что не приедет он.

Константин – не любитель риска.

(неожиданно зверя) Кто главарь? Назовите имя!

Разве я не давал Вам списка?!

Ваша робость на бунт похожа...

Может, Вы заодно с ними?!!!

Митрополит Евгений

Вороньё кружит тучей чёрной!

Николай *(так же неожиданно успокаиваясь)*

И не лень им стоять? Упорны.

Ничего... постоят – наскучит,

Разойдутся и... поумнеют.

Первый придворный

Эта сволочь за всё получит!

Как решились? Как только смеют?!

Второй придворный

Пусть шрапнель их посыплет перцем –

Выйдет блюдо. Куда Европе

Против блюд пушкарей-умельцев!

Первый придворный

Государь, каждый миг торопит...

Это время пока что наше,

Но упустите – будет поздно.

Второй придворный

Их насытим кровавой кашей...

Николай

А потом пожалеем слёзно?

Помолчите. Я должен думать.

Митрополит Евгений

Государь...

Николай

Я сказал – молчите!

То ли ветер глаза вытер,

То ли слёзы ушли в душу...

Но корону срывает ветер,

Словно чёрт на неё дунул.

Колко шею петля душит...

Пляску смерти мертвец пляшет!

Ах, как больно! Ах, как же больно.

... Чем престол эшафота краше?

Вот уж смех – стать царём невольно.

И озноб. И мороз по коже...

Милорадович

Государь...

Николай

Вы ещё здесь?

Где обещанный мне порядок?

Петербург в Вашей власти весь –

Вы забыли?

Милорадович

Я – с Вами рядом.

Николай

Слишком рядом! Петлём сдавили.

Лучше б Вы чуть подальше были.

Митрополит Серафим

Государь, этот бунт – флюс.

Ишь, как нынче страну раздуло!

Ей помогут орудий дула,

Тяжких ядер чугунный груз.
 Мудрый врач, коль потребно – груб,
 Вырывая больной зуб.
 Государь, не теряй момента –
 Зубы лечатся инструментом.

Митрополит Евгений

Усилие, рывок... и всех делов –
 Твой зуб готов!

Николай

Ещё есть заговОр – словесный бред...
 Дурманящую силой колдовства,
 Смиряет боль, до ноющей едва.
 ...Опасен заговор, коль не пресечь –
 И зуб, и голова слетают с плеч.
 Чем рвать прикажете? Зарядов нет!

Милорадович (решительно)

Государь, разрешите мне
 Выйти к ним, остудить смутьянов.
 Пред солдатом юлить не стану –
 Не французы, чай, люди наши.
 Приходилось мне... на привале –
 С одного котелка кашу!
 Вместе выплавились в огне,
 Вместе Родину отстояли,
 По Европе прошлись споро.
 Разболтались!! Но я их скоро –
 Конь хорош, но потребны шпоры.

Николай

Граф, взнуздайте их... чтоб без крови.
 Я прощу их... Вы им скажите,

Что открыт государь любви!
 Михаил Андреевич, стойте.
 Я хочу, чтобы Вы... открыто...
 Пусть покаются – только... честно!
 Мир – есть хлеб. По-простому – жито.
 Вы скажите... а, впрочем... что я?
 Вы и сами мастак словесный.

Милорадович

Миролюбье того стоит
 Усмирю – и верну в стойло.

Милорадович решительно удаляется.

Николай

Что-то сердце щемит странно –
 Словно пули прорыв свежий,
 Словно штык протыкает кожу...
 Вижу – люд, от расправы пьяный...
 Кровь ручьём... генерал повержен...
 Столько битв – ни единой раны!
 ...Всё уладится. Бог поможет.
(с неожиданной яростью) Как бы я их... когда бы смог!
 Если б только бы Бог помог...
(задумчиво)
 Бог помог... да помог не мне.
 Брат поспешно оставил царство –
 По России пойдёт с сумою.
 Александр наречен – Кузьмою?
 ...Или, кажется... Фёдор Козьмич?
 Мне, в наследство – его мытарства,

И реальность – в бредовом сне.

(*вновь с яростью*) Кровь пустить – лучший вид лекарства!

...Что-то вязко висок ноет.

А казалось... лишь кинь клич...

Голоса из толпы

...Ты гляди, генерал со свитой!

...Ничего... скоро будет битый.

...Генерал-губернатор – фигура!

Скажет слово – введёт в покорство.

...Русский воин силён упорством –

А не знаешь, молчи, дура!

Горошин и его артиллеристы, тем временем, продолжают свою беседу.

Первый артиллерист

Такое, вишь, событие в стране,

А вновь проснулся бунт – что твой Емеля...

Горошин

История, мой друг, нескоро мелет,

Но, помолов – дарует свежий хлеб.

И новый день рождается в огне.

Второй артиллерист

Уж больно всё мудрёно – только мне б

И старый хлеб хорош. К чему мне новый?

К тому ж, от хлебопёка Пугачёва...

Первый артиллерист

Ты, барин, мне скажи – что им неймётся?

Взошёл бы государь на трон, с настроем –

Мы б грянули – «Ура!» Прошлись бы строем,

Царь улыбнулся б, лаской удостоил –
 Глядишь, и одарил бы серебром...

Горошин

Россия разгорается костром,
 Во благо вас, обрушив все устои –
 А ты переживаешь за пустое.
 Свобода для раба – бесценно стоит!

Первый артиллерист

Костёр сгорит – что людям остаётся?
 Лишь угли да зола. И где свобода?
 Чем пепелище – счастье для народа?

Горошин

Достойные – во имя недостойных...
 Придёт пора – попомните добром. *(через подзорную трубу, пристально всматривается в происходящее на площади)*
 Нет, что творит Каховский – в спину целит!!

Второй артиллерист

Благому делу подлость непристойна.

Первый артиллерист

Я ж говорю – разбойники... Емели...
 Русь... с топором.

Николай, тем временем, всё ещё, словно бы не здесь – в своих мыслях.

Николай

А казалось... лишь кинь клич,
 Вся Россия у ног моих –
 Самодержца, царя, владыки...
 Подкузьмил ты мне, Фёдор Козьмич!
 Что на площади?! Выстрел... крики...

Гул толпы нарастает!.. Стих.

...Что-то вязко висок ноет.

...Показалось. И Бог со мною.

А ярость духа нужно усмирить.

Какой я царь, когда во зле не властен?

Но сердце угольком горит... горит –

Не дай Бог, вспыхнет! Сам себе опасен.

Михаил Павлович (*Горошину*)

Что там стряслось? О чём народ кричит?

Горошин

Граф Милорадович... повержен он.

Смертельно ранен. Может быть... убит.

Михаил Павлович

Стрелять в парламентёра – моветон.

Жизнь – не дуэль, но не избегнет правил.

И... есть закон!!

Так славный Пётр когда-то Русью правил.

(*Николаю*) Кровь пролилась. Назад возврата нет.

Их выпад был. Каков же твой ответ?

Николай (*всё так же отрешённо*)

Они – свои. И в этом вся беда.

Легко разить врагов мечом отмщенья –

Сурово, справедливо, навсегда!

А с жертвами затменья – как мне быть?

Болезнь рассудка – требует леченья.

Свои... сошли с ума. И их убить –

Себе свою же руку отрубить.

Вносят смертельно раненого Милорадовича.

Милорадович *(из последних сил пытается шутить)*

Различаю обыкновенно я

Мясника и военного.

У любого из нас есть

Честь.

У гражданских тонка кишка –

Целят в спину исподтишка!

Орлов

Вас отнесут ко мне...

Милорадович

Спасибо... да...

Мог предупредить... не предупредил... беда...

В брожении страны... не ищут выгод.

Сюжет пошёл не так, как ожидал –

Сразил себя своею же интригой...

Орлов

...И всё пройдёт. Совсем недалеко!

Милорадович

А всё же... не солдат. Обидно было б,

Убитым быть родимую рукой –

Повержен генерал... грядёт покой...

Теряюсь, чёрт возьми... теряю силы...

На пир победы Ахиллес явился,

Да... косточкой свинцовой подавился... *(теряет сознание)*

Михаил Павлович

Скорей врачей! Быть может, есть надежда?

Орлов

Бессмысленно... отходит. Не жилец.

Возможно... смогут оттянуть конец –

На несколько часов. Закрылись вежды...

Первый придворный

Ах, государь, столь велика потеря –
Язык не повернётся рассказать!

Второй придворный

Навек померкли ясные глаза,
И путь земной – земной рукой отмерен.

Николай *(по-прежнему в своих мыслях)*

Как обуздать себя? В груди пожар,
На зло – добром желателен ответ.
Да... силы нет –
Опять щека не хочет под удар!

Митрополит Серафим

Он... словно бы... заснул, не слышит нас –
Молчит, незрячий взгляд...

Митрополит Евгений

Очнётся вскоре,
Но... не сейчас. Он полон дум –
Уйдя в себя, не замечаешь шум.
Пусть протрубит о сборе судный глас –
Ему не до того. Такое горе...

Николай

Но не пойму... одно – что я им сделал?
Лишь став царём, стал враг. Кому? За что?!
Нелепый бунт испортил торжество –
К чему земля набатом загудела?
Иль это суть её – сжигать в огне
Росток любви, дарованный стране?
Так я им покажу! Они попомнят,
Как за росток погибший мстит садовник!

Но... нет. Нельзя. Мой долг – взнудать порыв,
Темницу зла любовью закрыв.

Митрополит Серафим

Очнитесь, государь. Торопит время.
Любой момент – стать смертным норовит!
Очнитесь! Милорадович убит!
Он поскакал туда, общаться с теми,
На площади.

Второй придворный

И подлый выстрел в спину
Смертельно ранил лучшего из нас.

Первый придворный

Он устыдил смутьянов – грозный глас
Сомненье внёс в ряды. Но опрокинут
Колосс пигмеем. Невозвратный час!
Герой сражён, но не на поле боя.
Судьбы свершилось бремя роковое.

Николай

Что вы сказали? Кто погиб? Когда?

Митрополит Серафим

Ах, Боже, Милорадович, конечно –
Он поскакал к смутьянам... так... беспечно.
И вот – беда.

Орлов

Пока... он жив. Но жизни меркнет свет.
С такую раною – надежды нет.

Николай

А я не слышал... думал о своём.
А он... погиб, тем временем. Как больно!
И этой смерти – я виной... невольно.

И... где же он? ...Ах, вижу. Не могу
 Смотреть на кровь. *(делает повелительный жест, Милорадовича уносят)*
 Она палит огнём –
 Замёрзшие кровинки... на снегу.
 На белом – красное. Совсем недавно он
 Был полон сил... нет! Не могу о нём!!!
(про себя) ...А, в общем-то... он смерть за дело принял –
 Всему виной чрезмерная гордыня...

Митрополит Евгений

Прости нас, государь – мы слова ждём.

Николай

Да-да, конечно... требует закон...
 Раз перейдён кровавый Рубикон...
 Ответ... царя. За смерть героя месть.
 Как с верными войсками?

Михаил Павлович

На подходе.
 Другие – здесь.

Николай

Хоть наш кулак пока не собран весь –
 Пусть конница атакою выходит!
 Орлов, прошу – клинком судьбы звеня,
 Им передайте мщение... от меня.

Орлов

Ура, орлы! Нас царь своей рукой
 Послал вперёд, чтоб уничтожить нечисть! *(устремляется громить бунтовщиков)*

Николай *(про себя)*

И всё. Не отступить. Гарцует конь,
 В предчувствии неотвратимой сечи –
 Брусчатка жаждет крови человеческой!

И ужас, и тоска.

...Хочу мечтать я!

Столкнутся, вдруг... на площади войска,

Обнимутся и... станут братья.

И будет мир! И я их всех прощу!

Как не простить детей – таких любимых?

...Но нет. Не мне – судьбы неодолимой

Остановить пращу.

Вращение её – разор и смерть.

Надежда на спасение – пустая.

И всё равно... в душе – рискую сметь.

И всё равно... в наивности – мечтаю.

Голоса из толпы

...Смотри! Смотри – несутся скакуны!

...Где скакуны? Не вижу.

...Вон – видны,

Средь яростного дыма и огней.

...Их всех сомнут?

Мне жалко их!

...Смешны –

Где пешим биться супротив коней?!

Известно дело, кирасир – сильнее!

...Бедняжка царь не избежал войны.

Горошин всматривается в происходящее на площади.

Горошин

Не слишком-то хорошая стрельба –

Дым, грохот, ад... все залпы мимо цели!
 Видать, свои в своих стрелять не смеют.
 А может быть... и... не хотят. Судьба
 Свела на площади в бесцельной схватке
 Друзей, а не врагов. Пусть, для порядка –
 Команды, брань, гром ружей, пистолетов...
 Но, ПРАВДА вольнодумствует, при этом!
 И конница не очень-то стремится
 С пехотой биться.
 Чем рваться в бой в неукротимом раже,
 Все – в саботаже.
 Орёл войны – голубкой обернётся,
 И... обойдётся?

Второй артиллерист

Напрасно, барин. Выпив кровь однажды,
 Зверь-людоед не утоляет жажды.
 Тут главное начать.

Горошин

Молчи, дурак!

Второй артиллерист

Быть может, и дурак. А станет – так,
 Что только к пушкам подвезут заряды,
 Ты сам же и стрельнёшь.

Горошин

Молчи... не надо...

Второй артиллерист

Вот то-то же. Молчу.

Первый артиллерист

Замёрз я. Зябко.

Заиндевел совсем. Не греет тряпка...

Горошин

Отходят. Столкновение пустое.

Иллюзия борьбы – немного стоит.

Появляется Орлов. Он искренне огорчён – во всяком случае, создаётся такое впечатление.

Орлов

Простите, государь. Но... не смогли

Преодолеть огонь жестокий, встречный.

Николай

Быть может, к лучшему. Мы будем человечны –

Мы их... простим. Мы в сердце свет нашли,

И Русь объединится в этом свете!

Хоть неразумны и упрямы дети –

Мы... любим их. Так просто – ни за что!

...Что, Михаил, опять сказал не то?

Голос из толпы *(вторгаясь, поёт песню вольницы)*

Приходил к нам Самозванец –

Еретик из Полячины.

Трон в Кремле топтал, поганец –

Развлекал свою Марину.

Ел и пил, как царь... паскуда.

Но забыл, что он – в России!

Как тебе, дружок Иуда,

Отдохнулось на осине?

Голоса из толпы *(подхватывают нестройным хором)*

Оля-я-я-я! Оле-е-е-е!

Был на троне – стал в земле!

Оля-я-я-я! Оле-е-е-ей!

Николая не жалеи! (*простой народ волнуется – чем дальше, тем больше*)

...Свободу народу!

...Россия – труха!

...Лишь только стемнеет – зажжём петуха.

...Дрожи, самозванец! Получишь за всё –
и штык не поможет, и Бог не спасёт!

Михаил Павлович

А я бы, всё же, предпочел картечь.

Бунтовщикам понятней эта речь.

Николай

Возможно, что и так. Что скажет мир,

Когда в России, в первый день правленья,

Прольётся кровь – пусть, с Нашим с сожаленьем?

К тому ж... своя! Во устрашение наций,

Не очень-то хорош для коронаций

Кровавый пир.

Митрополит Евгений

Антихриста среди них сияет жало,

Их души – бес воспламенил пожаром!

И станет мрак. И выйдут брат на брата,

И будут смерч и град. И Бог – распятый.

Удары булавы разрушат зданья...

И воцарится смерть.

Николай

Их ожиданье

Даёт надежду на иной исход.

Хотели б зла – стремились бы вперёд.

Митрополит Серафим

...Для чёрных дел ждут ночи, будь им пусто.

Давить их всех, крошить – как нож капусту!!

Николай

Откуда столь крестьянские сравнения?

Митрополит Серафим

Словам – прости. Измене – нет прощенья!

Николай

Мы пробуем давить, но... осторожно –

Войска, хоть присягнули, ненадёжны.

И самым преданным – доверья нет.

Вдруг... предадут – уйдут за теми... вслед?

А прикажу стрелять – что даст приказ?

Не повернут ли пушки против нас?

Голос из толпы *(продолжает песню вольницы)*

Пугачёв разбойно свищет –

Емельян, мил друг, Иваныч!

То царёву шею ищет

Русский бунт... кошмаром на ночь.

Ей в кадык, урча, вопьёмся

Нашей яростью старинной!

Кровью вольницы зальёмся,

Отгрызая пуповину!

Голоса из толпы

Оля-я-я-я! Оле-е-е-е!

Был на троне – стань в земле!

Оля-я-я-я! Оле-е-е-ей!

Самозванца не жалеи!

Николай

Но чернь необходимо усмирить –

Как разошлась! А вдруг пойдёт толпою?
Сметёт её волна и нас с тобою,
И тех... бунтующих.

Михаил Павлович

Сродни французской, прыть.
Пандоры ящик надобно закрыть –
Ты прав. Распоряжусь, чтоб вытесняли
Их с площади. Хотя... волной? Едва ли.

Митрополит Евгений

Всё то, что внове, в сущности – старо.
Виденья мне покоя не дают,
Всё видится разор страны любимой...
И эту чашу не проносят мимо!
Но канет зло и воцарит добро –
Настанут мир... и благодать... и уют!..

Якубович (*вторгаясь, подобно метеору, романтически-растрёпанный, с чёрной повязкой на голове*)

Простите, Государь, душа болит!
Позвольте быть полезным!

Николай

Говори.

Якубович

Царь, я – из них. Но, отвращённый злобой,
Сорвал захват дворца. Явился – чтобы
Их усмирить. Мне верит солдатня.
Пошлите к ним для вещей слов меня!
Пойдут за мной, куда бы ни сказал я –
Недаром, пуля в голове застряла!

Николай

Ну что ж... иди. Скажи, чтоб расходились,

А я их всех прощу. Неси им милость.

Якубович *(убегает с криком)*

Парламентёр царя!!!

Михаил Павлович *(с усмешкой)*

Скорее, шут.

Орлов

Довольно популярный персонаж

Среди солдат. Драгун, драчун, герой.

По жизни – первый. Никогда – второй.

Михаил

А имя?

Орлов

Якубович.

Николай

Их... и наш.

Не думаю, чтоб он случайно тут.

А, впрочем... и мираж воспримешь раем.

Ведь тонущий – соломинкой спасаем.

Митрополит Евгений

И, всё-таки, передвижу смерть, войну.

Никак, увы, не избежать урона –

Повергнутся и скипетр, и корона,

И кровь зальёт великую страну.

Несчастливого царя помилуй, Боже –

Пусть беды будут не сейчас – попозже!

Появляются бегущие в сторону площади лейб-гренадёры. Впереди – поручик Панов.

Николай

А это кто?

Панов

За Константина мы.

Да станет яркий свет во царстве тьмы!

Николай

Но Константин отрёкся...

Первый лейб-гвардеец

Я взволнован –

Наш государь коварно арестован!

Освободим надежду из оков!!!

Второй лейб-гвардеец

Поможет штык. Не нужно лишних слов!

Третий лейб-гвардеец

А трон дадим, посредством революции,

Супруге Константина – Конституции!

Николай

В мозгах сумбур. Но... логика видна –

Какая конституция?

Третий лейб-гвардеец

Жена!

Панов

Штыки наперевес, готовься к бою!

Николай

Какой там бой? Поручик, Бог с тобою.

Потребен яркий свет? Так вам – туда.

Откройте им дорогу, господа!

Все расступаются, освобождая проход бунтовщикам.

Панов

Благодарю. За мной, мои солдаты!

Нас ждут на площади! *(через позиции верных царю войск, вслед за Пановым, к своим, на площадь, пробегают лейб-гвардейцы. Навстречу им появляется Якубович)*

Друг Александр, куда ты?

Якубович *(досадливо отмахивается от Панова. И устремляется к Николаю)*

Им надобен лишь только Константин.

Простите, Государь. Потребно скоро

Конфликт перевести в переговоры –

Реформы охладят их злобный пыл.

Я, буду... их посредник – я один!

И их – и Ваш.

Николай *(насмешливо)*

А чей ещё?

Якубович

...Забыл. *(держась за повязку на голове)*

Случаются провалы. Что не странно,

Впоследствии моей геройской раны.

Николай

Скажи им там, что вот уж много лет

Отрёкся Константин от трона.

Якубович

Нет.

Убьют в момент. Бездарно. Ни за грош.

Тут надобен подход, чтоб был хорош...

Орлов

Я слышал, вы герой? В сраженьях смел,

Отчаянный кавказец... оробел?

Бойтся подставляться под пальбу?

Якубович

Хранимый Богом, не гневит судьбу.

Голоса из толпы

...Да целься ж точней!
 ...Каменюга тяжёл.
 Сорвался с руки –
 Слишком близко пошёл.
 ...Ты силу свою соразмерь и желай,
 чтоб камню подставил свой лоб Николай.

Якубович

Бунтует толпа. Нехороший задел.
 Наделают дел...
 Степаном с Емелей восстанут, как встарь –
 Поближе к войскам, государь... *(задумчиво исчезает)*

Николай

Кидают камни, брёвна... Отойду –
 И вправду, для чего искать беду?
 А трусости в том нет! От чёрных рук
 Нет чести пострадать. Тут – не испуг.
 Скорее пропаду от пули в драке я,
 Чем получу удар бревном... с Исакия.

Митрополит Евгений

Молю, Господь, смири смутьянов рать,
 Дай сил царю, дай волю, дай жестокость.
 Он – растерялся. Он являет робость,
 Когда давно положено карать.
 Но... он не виноват, сомненьем ранен –
 Без опыта боёв, на поле брани.

Михаил Павлович, тем временем, берёт инициативу в свои руки.

Михаил Павлович

В атаку, граф – смелее! Смысла нет

Надеяться на доброту и свет!

Орлов

Граф?

Михаил Павлович

Царь за всё Вас наградить намерен –

Мы ценим тех, кто беззаветно верен.

Орлов *(громогласно)*

Вперёд, орлы! За нашего царя!

Над нашим войском ангелы парят!

Михаил Павлович *(вдогонку)*

И от меня им передайте... слово –

Написанное саблею сурово!

Горошин *(вполголоса, проходящему мимо Орлову)*

Брат... там, на площади?

Орлов *(также вполголоса)*

Не знаю. Дым, пальба –

Война своих с такими же... своими.

Горошин

И брат на брата...

Горькая судьба!

Братоубийство – русский крест отныне.

Орлов

Надеюсь, он в Москве. Хотя... что толку?

Был хрупкий мир – рассыпались осколки.

Горошин

Преступили грань. Лютует бес.

И не дожидаться помощи небес.

Орлов

Свои мне – здесь.

Горошин

Но там... возможно... брат?

Орлов

Мой брат – дурак, и в этом виноват!

Ну как он мог, по чести говоря,

Придумать бунтовать против царя?!

Вы, кажется, ведь тоже... с нами... здесь?

Горошин

К бесчестию, увы, приводит честь.

Орлов

Раз выпало, судьбою, брат на брата –

Согреюсь на скаку! Холодновато. (*устремляется на площадь*)

Митрополиты Серафим и Евгений участливо подходят к Николаю.

Митрополит Серафим

Царь, не сердись, но надо бы тебе

Передохнуть. Устал. Ну, разве можно

Весь день – в борьбе?

Неосторожно.

Николай

...Милейший Серафим, я Вас прошу –

Сходите же... туда. Скажите им,

Что государь – страданием томим.

Что он... о мире и любви мечтая –

Их всех... простит. Ведь мы же – не враги.

А, с дружбою протянутой руки –

Не отвергают!

Митрополит Евгений, с Серафимом

Идите же...

Митрополит Евгений

Туда... должны идти мы?!

Николай

...Иль боязно?

Митрополит Серафим

Помилуй, государь,

Там бой сейчас –

Смерть, ужас, гарь...

Николай

И что ж, что бой,

Раз Бог с тобой?

Бой кончится, а Божье слово –

Всегда родник... желанно и сурово!

Горошин с артиллеристами продолжают свой диалог.

Второй артиллерист

Что, барин – призадумался? Вот то-то.

Знать быть злодеем больше не охота?

Горошин

Случайность преступления – лишь миг,

Не могущий идею опровергнуть!!

Второй артиллерист

Не могущий? А сам-то в том уверен?

То – шепчешь, то срываешься на крик...

Горошин

Сей день – во всей истории велик!

Первый артиллерист

Воистину велик – не по размеру.

Митрополит Серафим, тем временем, переминается с ноги на ногу – в надежде, что идти, всё-таки, не придётся. Митрополит Евгений... растерян и полон решимости одновременно.

Николай

...Вы здесь ещё, любезный Серафим?

Идите же, мой друг, я Вас прошу –

Идите к ним!

Несите свет.

Митрополит Серафим

Спешу...

Кому ещё идти к заблудшей пастве?

Митрополит Евгений

А если смерть... так это в Божьей власти.

Прощай же, государь...

Митрополиты уходят.

Николай

И станет всё – как встарь.

Голоса из толпы

...Попы пошли.

...Нет. Не дойдут. Дрожат.

Лишь шаг вперёд – и тут же два назад!

...Один дрожит, другой вперёд толкает,

Трусливого – молитвами ругает.

...Подумаешь, дрожит? А скажет слово –

Ты на колени – бух! И всё. Готовый.

Бери тебя, лепи тебя, как глину!

...Покуда я из ножен нож не выну.

Николай, в состоянии умиротворения, сидит задумавшись. Вернувшийся Михаил Павлович проходит прямо перед ним, но Николай его не замечает.

Михаил Павлович

Он улыбается. Как если бы во сне

Явилось нежное. А рядом... дым и кровь.

Мечтательность такая – не по мне.

По виду – Аполлон. Бог из богов.

Но ждёт чего-то, как тщедушный смертный –

Рубль золотой вдруг разменялся в медный.

Добро – дрова, к чему дрова... в огне?

Безвольный царь не стоит добрых слов!

Мечтательность такая – не по мне.

Появляется Орлов. Разгорячённый – словно бы всё ещё в бою.

...Явилось. Да не доброе – Орлов.

Орлов

Отбили намертво.

Николай *(из своего далека, вздрагивая)*

Кого отбили?

Орлов

Нас.

Мы рвались в бой, как молния на землю.

Но враг стоит, громам грозы не внемля –

Дымится порох и сверкают кремни.

И смерть, и ад. Сплошали в этот раз,

Но мы вернёмся – в тот же миг... сейчас –
Лишь снова станем в строй!

Николай

Не надо.

Где слова Бога – там не можно ада!

Там – Серафим. Он нас закрыл горой.

Овец заблудших осенит перстами

И всё пройдёт. Всё – словно прежде станет.

Горошин

Заряды привезли!

Николай

Давно пора!

Забейте-ка их в жерла, мастера.

Михаил Павлович

Мгновение назад – о Серафиме...

Зачем же пушки?

Николай

Мне спокойно с ними.

Артиллеристы начинают заряжать пушку.

Второй артиллерист

Что, барин, кажется... настал твой час.

Определись – за них или за нас?

Горошин

Я выполняю долг. А там – как будет.

Бог видит всё. Подскажет. Не осудит.

Первый артиллерист

Вот это правильно! Вся правда – с Ним.

Горошин

А всё ж... отвратно.

Первый придворный

Вон он... Серафим.

Как верный пёс – побит, идёт за трёпкой.

Второй придворный

Чай, оживёт, как дух подлечит стопкой.

Митрополит Евгений, жаль... не пьёт.

Первый придворный

Теперь – начнёт.

Появляются митрополиты. Удручённые и явно напуганные.

Николай

Что на площади? Были?

Митрополит Серафим

Был.

Всё, что мог – из последних сил.

Уж пытался их Божьим словом

Вразумить. Да куда там! Яда

Вольнодумства вкусила паства –

Сплошь масоны! Злодеев братство.

«Мы, - говорят, - больше твой обман

Слушать тут не хотим.

Вновь кавалерию шли к нам –

С нею поговорим».

...Если скажешь, пойду к ним снова.

Николай

Бесполезно...

Митрополит Серафим

Государь, всё в руках небесных.

Митрополит Евгений

Просили нас они о Михаиле –

Мол, пусть им подтвердит... про что – сам знаешь.

Я б не ходил.

Митрополит Серафим

Затея то – пустая,

Опасная.

Митрополит Евгений

Но... видит Бог, просили.

Митрополит Серафим

Нельзя идти – ждёт агнца волчья стая!

Николай

Ты, братик... к ним сходи. Авось, поможет!

На чувствах их свою игру сыграешь.

Михаил Павлович

Пред вражьем строем поиграть в гусарство?

Вопросов нет!

Как скажешь... я готов. И... всё же...

(удаляясь, ехидно)

Ах, чудное лекарство –

Кровопусканье!

Николай

Принеси им свет!

Сходи к ним, Мишенька, сходи – так надо,

Пусть в бой летят слова, а не заряды.

...Я сам себя сегодня не пойму –

Мне жалко их, но ярость греет душу.

То, кажется, что я не просто трушу,

А полон гуманизма. То огнём

Сжигаю чувства. Если по уму,
 Любить их всех – мой долг. Но злость наружу
 Из мозга рвётся, бешеным конём...
 Им Александр – враг. А я... причём?
 Зачем мой праздник встретили мечом?
 Я был открыт добру. И вот награда –
 За всё добро – сарказм исчадий ада.
 ...А долг велит... любить своих детей.
 Любить любых – уродливых, упрямых.
 И я страдаю, как герой из драмы,
 Терзаем столкновением страстей.
 Трусливый Константин укрылся в Польше,
 А мне достался бунт. Добро бессильно
 Пред пистолетом. Улыбнись умильно –
 И тут же пулю в лоб! А дальше – больше.
 Быть можно мягким, если за спиной
 Поддержка пушек, твёрдою стеной.
 ...Потребно стать смиренным к недостойным,
 Но с пушками... значительно спокойней.

Появляется, невесть какими судьбами, забредший на площадь крестьянин. Истрёпанный, избитый и... окончательно сбитый с толку.

Крестьянин

Там побили за Николая,
 Здесь побили за Константина –
 Никому беды не желая,
 Получил от всех...

Орлов (ударом руки сшибая шапку с крестьянина)

Эй, детина,

Шапку прочь – пред царём стоишь!

Крестьянин (*сомнамбулически поднимая шапку*)

Надоели вы все... уйду я.

Городские, себе, бунтуют –

Им свободу дадут, глядишь!

А простым, как всегда – шиш. (*уходит столь же нелепо, как пришёл*)

Орлов (*пытаясь броситься вслед*)

Каков наглец!

Николай

Оставьте. Пусть идёт.

Дурак своё – получит... в свой черёд.

С утра была трагедия... и вот

В сюжеты дня закрался анекдот.

Крестьянин (*неожиданно возвращаясь*)

Ты точно царь?

Николай

С утра, как будто... да.

Крестьянин

А прежде кто?

Николай

А прежде – брат царя.

Крестьянин

Запутался я в вас. Сплошь ерунда –

Где нынче людям правду говорят?

Чем лодку царства трогать от причала,

С роднёю разберитесь, для начала. (*уходит*)

Николай

Хоть наглостью своей наивен он,

В позиции подобной есть резон –

Где мир прогнётся, с гибкостью лозы,

Шут скажет правду, не боясь грозы.
 Что ж... и на солнце происходят пятна!
 ...Но в зеркале их видеть неприятно.

Горошин, тем временем, пристально всматривается в происходящее на площади.

Горошин

Да что же он творит?! В парламентёра
 В упор стреляет... кажется... осечка...
 Ещё одна... вся красота теорий,
 Разрушилась в реальном воплощении.

Орлов *(проходя мимо, ехидно)*

Что, Алексей, душевные мученья?
 Не можете найти себе местечка?

Горошин *(ответно)*

Опять... с мечом? Взрезать клинками дружбу?

Орлов

И... что Вам видится?

Горошин

Всё то же.
 Благие намеренья, да результат негожий.

Орлов

А сами что не там?

Горошин

Сегодня – служба.
 Был вызван в полк.

Орлов

Нет, я вас не пойму.
 Бунтуешь, так бунтуй – коль по уму!
 Зачем Вы при царе, раз при оружьи?

Горошин

Да вот... запутался. Долг чести быть велит

И там... и здесь. И рядом... и вдали.

Орлов

Уж больно сложно. Ежели по мне –

Быть можно под конём, иль на коне.

Горошин

Но брат Ваш... там?

Орлов

Не теребите душу –

И без того стремится вон... наружу.

В царевубийцах ходит брат любимый,

Возездие ему – неотвратимо!

Он – бунтовщик! А я – слуга царя.

И выстрелами взгляды говорят...

Появляется Михаил. Он весь в снегу и злой, как чёрт.

Михаил Павлович

Прошу Вас, генерал, скорее в бой –

Не дайте им вздохнуть!

Ведите эскадроны за собой!

Орлов (*устремляясь на площадь*)

Вперёд, мои орлы!

Михаил Павлович

Какая жуть...

Смерть облизнула сердце языком.

На волоске висел. Как выжил? Странно.

Я оказался полным дураком,

Пойдя к смутьянам...

Николай

Брат Михаил. Вернулся. Весь в снегу.
 Как Дед Мороз, метелью запорошен.
 Мне детство видится... какой ты был хороший!
 ...А помнишь, как обидой огорошен,
 Ты убежал... и плакал, на бегу?
 Прости мне ту, жестокую вину –
 Тебя я больше обижать не буду.
 ...Ах, если б те обиды вновь вернуть.
 Нет. Битую не воскресить посуду.
 ...А помнишь, в декабре... на санках... с гор?
 Казалось, каждый день – прекрасный, новый!
 А помнишь, наш секретный уговор?
 Не слушаешь меня... Ты чем взволнован?

Михаил Павлович

Едва не подстрелили, как фазана.
 А ты о детстве вспоминаешь... Странно.

Николай

Когда бессильны все другие средства,
 Мы победим врага улыбкой детства!
 Прости... задумался.

Михаил Павлович

Молчать не стану –
 Что будем делать? Я с ними был –
 Так агрессивны, что просто ужас.
 Да, брат – братишка нам учудил...

Николай

Тише! Услышат.

Дальнейший разговор братьев – вполголоса.

Михаил Павлович

Кому он нужен?

Трус. Паникёр. Лишь запахло жареным –

Смылся, оставив тебе царство.

Был Александром – а станет старцем,

Скаредом.

Наобещал перемен, свободы,

Разворошил нам гнездо осиное –

Где он?! Отпет. Смерть зачем-то выдумал –

Лучше бы схиму, как в прежние годы.

Николай

Больно ты злой.

Михаил Павлович

Станешь злым от ужаса –

Чуть не убили, когда на площади,

Пред солдатнёй демонстрировал мужество,

Думая, как не свалиться с лошади...

Николай

Тише! Услышат.

Михаил Павлович

Прости несдержанность.

Так накипело – взорвусь от злости я!

Дважды – осечка! Сейчас... уляжется

Смех – быть... «мишенью» Великокняжеской!

Лучше под ядра – с утра и до ночи!

Всё. Проявляю самоотверженность.

И ухожу излучать спокойствие. *(взволнованно отходит)*

Николай

Как в декабре мы... на санках... с горочки...

(вслушиваясь)

Опять стрельба. Откуда? Почему?

Митрополит Серафим

Их Михаил послал. Уж больно крепко

Сердит на вольнодумцев. Как вернулся –

Так сразу и послал. Потом – к тебе.

Николай

И так – весь день... в бессмысленной борьбе.

Не нужной абсолютно никому.

Я, кажется, в обиде обманулся.

Но мы обиды зло – посадим в клетку!

Николай сидит в состоянии крайней задумчивости. Придворные нерешительно пытаются вывести его из прострации.

Первый придворный

Государь, нужно что-то делать...

Прикажите поджечь заряды...

Второй придворный

Государь, их шеренга рядом –

Ощущает свинец тело,

Ощущают штыки рёбра,

Рубит шею клинок сабли...

Первый придворный

Будет кровью закат капать...

Тучи смотрят с небес недобро...

Николай

Может, это такой... искус?

Испытанье любви и веры?

Я один, как герой Гомера,

За обломок плота держусь.

Страшен, грозен девятый вал,

Мало сил для добра и ласки,

Мнится кровь мне – всего лишь... краской,

Жесткосердые влечёт в провал.

Смерть вызывает к отмщенью... Что ж –

Взявши серп, не жалеют рожь? (*испуганно, на грани помешательства, оглядывается*)

...Вновь этот шёпот!!! Злобный... неустанный.

Мне чудится... я слышу... Иоанна...

Голос Иоанна Грозного (*звучит из уст Николая – от этого ещё более страшный*)

Царь, просыпайся! Народ с содроганием ждёт

Казней... Всё спит, но державная ярость – разлита.

Пусть винограду немислим безжалостный гнёт,

Давящий ягоды в сок – стойкий градус обиды

Перерастает в вино, веселящее дух...

Подданных – страхом пьянит только власть самодержца!

Бог есть любовь. Но... палач из натруженных рук

Не выпускает бразды. И слезинка младенца

Сердце не выжжет!! Напрасны призывы кликуш –

Им ли судить, что во вред, что во благо державы?

Троны не трогает боль обезглавленных туш,

Землю поющая кровью – дымящейся... ржавой...

Всё суета. Всё исчезнет, рассыплется в прах –

Плаха судьбы неизбежна. Чуть раньше... чуть позже...

Но, в назиданье потомкам, останется страх –

Память великих свершений... морозом по коже.

Царь, просыпайся – уж солнце восходит! Пора

Выпустить яростных псов – свора жаждет расправы!..

Это не грех людоедства – всего лишь... игра.

Где победителю – мука. И вечная слава.

Николай оцепеневает.

Михаил Павлович (*Горошину*)

Готовьтесь. По команде. Первый залп

Впритирочку – над головою самой.

И... подождите – пусть бегут назад!

Горошин

А как не побегут?

Михаил Павлович *(яростно)*

Прицельно!! Прямо!!! *(стремительно уходит)*

Горошин

К бесчестию порой приводит честь...

Стреляют в спину – там. Я, с пушкой – здесь.

Голоса из толпы

...Бойся царь.

...Ещё бы – на чужое

разинул рот.

...Чай, сводит от оскомин –

как у лисы. Красть царство – хорошо ли?

...Свободу! Конституцию! Законы!

Митрополит Евгений

Пусть дальше смерть намечена судьбой,

И ничего нельзя уже исправить,

Прошу, Господь, дай Николаю править!

Прошу Тебя, не оскорбись мольбой –

И, если нет прощения... прости,

Перенеси на будущих потомков

Империи обрушенной обломки...

Но не сейчас. Когда Ты вдруг настиг

Невинного. У шайки воровской

Пусть жертвой будет Николай... другой.

Придворные, в стороне, тихо переговариваются между собой.

Первый придворный

Наш государь в коленках слабоват...
 Никак не может усмирить смутьянов.

Митрополит Серафим

Оно не странно.
 Готовили его к иной стезе –
 К воинственной. Не те повадки все.
 Хороший генерал, но... не правитель.
 Где надо хитростью – он простоват,
 Где надо уступить – он победитель.

Первый придворный *(саркастически)*

Хороший генерал без опыта войны,
 И слабый царь – проблема для страны.

Второй придворный

Он, словно конь, хрипя, несётся в бой,
 Без седока... рассудка над собой –
 Но, осознав, что сбросил седока,
 Вдруг... замирает, в полпути от цели.

Митрополит Серафим

А что бы Вы – на месте, на его,
 Придумали?

Второй придворный

Лягнул копытом смело.

Митрополит Серафим *(со смехом)*

И... больше ничего?

Второй придворный

Да нет... пока.

(митрополиту Серафиму, наливая в стопку из фляжки)

Позвольте предложить? Настой особый –
 В момент разогревается утроба.

Митрополит Серафим

Если мудрым глотком пьёшь,
Исчезает из рук дрожь.
Змея пьянства, пригрев в груди,
Победим! *(решиительно выпивает)*

Первый придворный

Что смутьяны? Страшны? Суровы?

Митрополит Серафим

Не то слово...
Уж я к ним и с теплом, и лаской,
Всё слегка приперчил угрозой –
Им бы – в слёзы!
Нет, кричат, уходи, преступник!
Нет тебе от солдата веры,
Ты, мол, двум присягал – отступник!

Второй придворный

Что же Вы?

Митрополит Серафим

Отошли с опаской.
Подвиг тоже... имеет меру.

Митрополит Евгений *(подошедший в процессе разговора)*

Что-то пульс так и бьёт в висок...

Второй придворный

Вам бы тоже принять... глоток.

Митрополит Евгений

Вижу... будут Содом с Гоморрой
Из Европы спешить в Россию.
Тьфу! СрамИше! Но очень скоро –
Сгинет погань, узрев Мессию.
Мерзость часто сладка на вкус –

Оттого и силён искус... (отдаёт стопку обратно, так и не отпив)

Первый придворный

Междоусобица вещь чудная...

Присягнул на днях Константину –

Николай уже дышит в спину.

И на площади – всё тревожней...

Чем всё кончится?

Митрополит Серафим

Ох, не знаю.

Да... чудны дела твои, Боже.

Михаил Павлович, тем временем, подходит к Николаю.

Михаил Павлович

Всё близится к концу. Уже темнеет.

А государь Николенька – не смеет!

Николай

Ты, всё же их послал? Опять? В атаку?

Михаил Павлович

Не мёрзнуть же им тут – в твоей тоске?

Прекрасно греет кровь клинок в руке –

Во что ты превратился? Тряпка! Мякоть!

Неужто думаешь, что, если их возьмёт –

Нас пожалеют, как ты их жалеешь?!

Ты, словно барышня, от вида крови млеешь –

Ты – генерал! Очнись же, что за чёрт?

Николай

Кровь – не вода.

Михаил Павлович

А льётся точно так же.

Ну, вспомни же войну с французом... нашу!

Николай

Они – свои. Их кровь – из наших жил.

Михаил Павлович

ТЬфу! Словно кто тебя заморозил... *(раздражённо отходит)*

Николай

А сам не нюхал пороха... герой,

С французом повстречавшись лишь в Париже –

Казалось всё несложным, той порой...

Но вот всё стало правдой, не игрой,

И первый бой царя против... своих же.

Уже заметно темнеет. И холодно.

Первый артиллерист

Весь день стоим. Аж сумерек подкрался...

Уж больно зябко. Я бы отстрелялся

И в дом, к теплу. Попили бы чайку,

Да с водочкой! Чай, выдадут за службу?

Второй артиллерист

Ох, не к добру вороны стаяй кружат –

Предчувствуют беду.

Первый артиллерист

Гони тоску –

Ты просто охладел. Ишь, сыплет мелко...

А, как по мне, решать тут нужно быстро:

Иль не стрелять, и в дом – иль сделать выстрел!

Стоим... чего стоять? Игра в гляделки.

Николай – одинок среди всех, в глубочайшей задумчивости.

Николай

Что дальше – множить кровь? И где предел?

За мезтью – мезть, за страхом – страх.

И кровью залиты уста,

Христос распят в сердцах.

Я не того хотел.

Решенья нет. Куда ни кинь – всё клин.

Но выбор – лишь... один.

Когда бы мне решиться... Если б мог

Переступить через порог сомнений.

Закон велит – карать! Без сожалений.

А совесть хнычет... сжатая в комок.

Безжалостность владык внушает страх,

Безудержность толпы внушает ужас.

Круговоротом зла природу кружит

И тьма царит, с проклятьем на устах.

А хочется любви. Чтоб к другу друг

Навстречу сделал шаг – душой открытой!

И я мечусь меж Сциллой и Харибдой,

Не в силах предпочесть одну из двух.

Измучили сомненья... разум ноет.

И видится мне... видится чудное.

Второе действие

Первая картина

Праздничная попойка, в честь победы декабристов. Николай всё так же сидит в углу сцены на полковом барабане, невидимый остальными.

Рылеев

Господа, поднимаю бокал
За победу! Мы сделали это!
Будет небо любовью согрето!
Дивный миг нашей славы настал!
Царь низвергнут! Повержен тиран,
Что глумился над бедной Россией!
Станет путь её вольным, красивым...

Якубович

Господа, я ужасно пьян!
Не от водки, но от свободы...

Рылеев

Впереди долгожданные годы
Построения новой Руси –
Без цепей ненавистного рабства!
Пью за наше священное братство!

Якубович

Браво-браво, Кондратий... спаси-
бо за тост... ты, Кондратий, странный –
Пьёшь... и трезв.
Господа, я ужасно пьяный...
Вот вам крест.

Рылеев

Господа, этот праздничный миг
 Станет вехой в истории нашей.
 Он цветами надежды раскрашен –
 Тем велик!

Трубецкой *(выйдя покаянно на середину)*

Хочу просить прощенья – бес попутал.
 Когда сменился план, был нервный срыв.
 Казалось, всё пропало... болью лютой
 Душа болела, словно бы... нарыв.

Кюхельбекер

Нарыв прорвался. Князь, к чему? Не будем!
 Мы – в дамках. Победителей – не судят.
 Ведь правда же, Кондратий?

Трубецкой

Не пришёл
 На площадь я. Себе – вовек укором.

Рылеев

Ты не пришёл. И то – нехорошо.
 Без головы восстанья гибнут скоро.
 В пустом стоянье целый день прошёл –
 Извергнуться не мог бурлящий кратер.
 Как смел ты не прийти? Ведь ты – диктатор!
 Ты предал нас, по сути.

Трубецкой *(убито)*

Жить не чаю...

Якубович

Я счастлив, господа! Я всех прощаю!

Пушкин

А мне, признаться... заяц помешал.

Уж выехал. А тут... косой навстречу.

Остерегая – путь перебежал!

Кюхельбекер

И что же ты?

Пушкин

Что? Встретил дома вечер.

Кюхельбекер

Вернулся? С полпути?

Пушкин

Увы... как трус.

Якубович

Кондратий, не молчи – скажи про это!

Рылеев

Я осуждать поэта не берусь –

Поэтам уважительны приметы.

Якубович

Ты сам поэт. *(всем)* Он пишет! Вы читали?

Его гранённый слог острее стали!

Как скажет – наповал!

Рылеев

Молчи... не надо...

Якубович

Зачем же мне молчать – я лично падал!

Оболенский

И оттого сорвал захват дворца?

Якубович

Зачем дворец? И так всё получилось.

Кому потребен ключик от ларца,

Когда ларец открыт?

Оболенский

Судьбе на милость –
 Царь сдался. Ну, а если бы огнём
 Нас разметал по площади? Тогда что?

Якубович

Оставь – когда бы... если бы... Неважно –
 Мы победили! Мы!! За это пьём!
 (*Горошину*) Ты что не пьёшь? Грустишь, царя жалея?
 Смотри... дождёшься. Отомстит Рылеев –
 Вон, смотрит как... кинжально. Словно Брут.
 Он – пистолет, а мы – мишени тут! (*хохочет*)

Пушкин

Кто это каялся прилюдно, как актёр?

Оболенский

Князь Трубецкой – диктатор, вождь восстанья.
 Он... не пришёл на площадь, до тех пор,
 Как не стемнело. Истинно – предатель!
 Весь день стояли, ждали приказанья,
 Теряя время...

Пушкин

Не сердись, приятель,
 Ведь как-то обошлось?

Оболенский

Буквально... чудом.
 О нём и Якубовиче – не будем.

Пушкин

А Якубович что?

Оболенский

Сорвал весь план
 И в ус не дует, от восторга пьян.

Якубович

Ура победе! Господа, мой тост
 За новый день, что через нас настанет!
 Мне хочется плясать. Маэстро – танец!
 И что с того, что музыкантов нет?
 Я требую мазурку! Я – танцую!
 В России победители пируют –
 Вчерашний день отправим на погост,
 И будет свет!

Пушкин (*задумчиво*)

Предчувствую... настать великой сече –
 Победа их полна противоречий.

Якубович

Пусть я пьян. И теряю нить,
 Собственно говоря,
 Я предлагаю всем вам решить –
 Как нам решить царя?
 Как оприходовать рухлядь?

Рылеев

Выпить хочу за... Кюхлю!

Каховский

Наш неудачник Кюхля. Упустил
 Возможность пострелять. Сгорел, как свечка!
 Когда подъехал к строю Михаил,
 Подумать только – целых две осечки!

Пушкин

Скажи мне, Кюхля, у тебя роман?

Кюхельбекер

С чего ты взял?

Пушкин

Могу предполагать я,

Ты, верно, сильной страстью обуян.
Стрелять в князей – рискованное занятие.

Каховский

Ну, ничего, теперь своё возьмёт –
И Михаилу голову снесёт,
И Николаю заодно б достало...

Кюхельбекер!

За этим обращайтесь к палачу.
Быть палачом, увольте, не хочу!

Каховский

Честь велика? Или почёта мало?

Кюхельбекер

Пусть царь и проиграл, но, всё ж, негоже
Его казнить. Мы руки обагрим.
Той кровью, что Руси всего дороже.
Раздор посеяв, бурю учиним.
Есть разница меж правом и террором.
Нас не простит история вовек,
Когда взойдёт на плаху – человек!
Он, хоть и царь, но... ведь нельзя так скоро?

Рылеев

Да ладно, Кюхля, без тебя снесут
Башку царю. Желаящих – навалом.

Кюхельбекер

Мне кажется, сперва потребен суд.

Рылеев

Осудим... и казним – в чём дело стало?

Пушкин *(по себя)*

Судилище, чем дальше, тем короче –
Сегодня в силе те, чей голос громче.

Трубецкой

И всё же... суд. Вину назначит он.

Закон и в революцию – закон.

Рылеев (*Горошину*)

Скажи нам, Алексей, ты был с царём.

Как он – дрожал?

Якубович

Пускал от страха слюни!

Мы на него теперь с любовью плюнем

И розовую щёчку подотрём...

Горошин

За государем трусости не знаю.

Поверженных колоссов не пинаю.

Рылеев

Ого, как запулил! Да ты – скала!

Ты – греческий герой, от гнева... страшен!

Горошин

Могу сказать одно лишь – Николай

Боялся кровь пролить. Родную. Вашу.

Каховский

Он побоялся пролить кровь –

Трус. Безусловный трус.

В жерлах гнезвился, лететь готов.

Ядер смертельный груз.

Якубович

Он обдрестался! Светло живот!

Не дохотел в цари!!!

Рылеев

Плох государь, если взгляд его

Яростью не горит.

Каховский

Жалок колосс на гнилых ногах

Мелочью бит туз!

Сам же себя и поверг во прах –

Трус! Безусловный трус!

Николай *(из своего угла сцены)*

Тут все на «ты». Знать, непрерывно пили

И брудершафтами любовь скрепили.

Панов *(до того, молчавший и удивлённо слушавший)*

А как же Константин?

Оболенский

Народ решит

Судьбу и Константина, и династии.

Предвидеть, что их ждёт, уже не властен я,

Но будем ждать.

Панов

Ну, вы и хороши...

Оболенский

Ну... мы-то – так себе. Вот Вы – хороший.

Песнь Николая, не начавшись, спета –

И Вам за то спасибо!

Панов

Но на площадь

Мы вышли не затем!

Оболенский

А вышло – это.

Поручик, не грустите! Вы не первый.

Не должно знать солдату смысл маневра –

На то есть штаб.

Панов

А мы – простые пешки?

Умерьте градус умственной насмешки,

Вам это осложнением грозит –

Выходят пешки иногда... в ферзи! *(раздражённо выходит)*

Оболенский *(про себя)*

Суров поручик. Горд. Ну, словно... тигр!

Но... партии конец. Мы, игроки,

И пешек, и коней – сметём с доски!

...До новых игр.

(вслух) А скажите, друзья, каковский

Пётр Каховский?!

Каховский *(очень скромно)*

Господа, я всего лишь сделал

То, что мне повелел долг –

Я ведь в жизни... не самый смелый –

Просто... смог.

Оболенский

Ай, скромняга! Ай, молодец!

Каховский *(постепенно воодушевляясь)*

Я всего лишь нажал курок.

Дальше – пуля. Её работа.

Длань судьбы и ещё там... что-то...

Но злодею настал конец!

Горошин

Про злодея не слишком смело?

Каховский *(истерично)*

Милорадович предал дело!!!

Был своим, не кичась чинами,

Стал почти что один из нас –

Он фактически... был с нами!!!

Но продался за царский пряник –
В тайном обществе тайный глаз!!!

Рылеев

Браво, Пётр, чьё имя грянет
Римской славой, щитом звеня!
В этой пуле – залог огня,
Что охватит собой Россию.
Браво, Пётр! (*целует Каховского*) От нас – спасибо!
В ту минуту почти что смог
Губернатор смутить солдат –
Пётр решительно взял клинок,
Запылал якобинством взгляд...

Горошин

Не клинок – выстрел труса... в спину!
Я... глядел!! Не прощу себе!!!!
Мало чести в такой стрельбе –
Подлецу я перчатку кину!
(*Каховскому*) Этот выстрел тебе назад
Я верну. Только... в лоб. Прицельно –
Пусть рассудит нас Бог дуэльный.

Оболенский

Прекрати, Алексей! Не время.
Мы единством сильны.

Горошин

А честь?

Каховский

Я готов, если нужно, здесь
Дать достойный ответ... пред всеми!

Горошин

Вот и славно. Душа в душу...

Горошин и Каховский расходятся по разным концам сцены.

Оболенский

Что ж... сходитесь! А, всё ж... не время.

Каховский торопливо делает выстрел первым. Горошин падает.

Рылеев

Алексей, ты живой?!

Горошин *(тяжело приподнимаясь)*

Терпимо.

Жизнь – не болезнь. Пройдёт.

Торопливость – всегда мимо.

Мой черёд.

(прицеливаясь)

Но Милорадовича, Петруша,

Ты застрелил... зря.

Всё же... герой. Хоть пытался, клуша,

Грудью закрыть царя.

Подло стреляешь – готовь тело

К пуле. Без лишних слов.

Целиться в спину – гнилое дело.

Вот мой ответ. *(стреляет. Каховский падает, как подкошенный)* Готов. *(Горошин падает – уже окончательно)*

Общее остоленение.

Николай

Про Милорадовича... странно –

Брат доверял ему.
Если б героически не принял рану,
Точно бы сел в тюрьму.

Вторая картина

В квартире Рылеева. Рылеев, Якубович, Кюхельбекер, Трубецкой. Пушкин и Наталья Рылеева сидят поодаль, рассматривая альбом.

Кюхельбекер

Пришла пора вручить Собранью власть –
Как обещали. Пусть несёт свободу!
Мы выполнили долг перед народом...

Рылеев

Отдать им власть – считайте, что пропасть.
Мы власть дадим. Но не сейчас – попозже.
Россия не готова.

Якубович

Ну, так что же?
Приходит аппетит в процессе жрачки.
Пускай заглотят – позже переварят.

Рылеев

Твои сравнения на вздор похожи...
Боюсь, сперва грядёт большая драчка –
И сцепится страна в собачьей сваре.
Но в наших силах сделать переход
К свободе – постепенным. Без эксцессов.
Тут нет каких-то личных интересов,

Есть интерес России. Где-то с год,
Иль может... два – мы последим за нею,
А там, глядишь, народ и сам дозреет.

Наталья

Скажите, Пушкин, вы всегда такой?

Пушкин

Какой же?

Наталья

Недоступный, вдохновенный.

Вы мне в альбом напишите рукой –
Своею... гениальной?

Пушкин

Непременно.

Кюхельбекер

Сперва обманом вывели солдат,
Из верности присяги Константину...

Рылеев

В любом искусстве важен результат.
Да, холст – обман, но результат – картина!
Её нарисовал солдатский штык.
Но... требует картина обрамленья –
Мы раму создадим.

Трубецкой

А возмущенье
Как обуздаем? Зреет бунт в войсках –
Не любит штык, когда его дурачат.

Рылеев

Солдат в безделье бунтовать привык.
Нам надобна война. И смерти страх.

Кюхельбекер

Быть может, лучше действовать иначе?
Зачем же брать намеренья назад?
Созвать, как было в плане, общий сход,
Пусть ООН определит – куда глядят
Глаза Руси...

Рылеев

Глаза Руси – слепые!!!
До осознания не дорос народ!
Все смотрят, кто куда. И гнётся выя.
Я, если б их созвал, то так... для вида.

Наталья

Кондратий, не кричи – что скажут люди?

Рылеев

Ну, хорошо, любимая, не будем –
Мы, знаешь ли, волнуемся.

Наталья

И что?
Терять достоинство из-за какой-то ссоры?

Рылеев

Да мы не ссоримся. У нас простые споры,

Наталья

Ты, всё же, за собой следи. А то
Мне стыдно за тебя.

Рылеев

Я... добрый... весь.

Кюхельбекер

Благому делу – непристойна кривда.

Якубович

Есть слово чести!

Рылеев *(снова включаясь в спор)*

Не марайте честь –
Сорвавший план, навеки обещен.

Якубович

Я искупил!

Рылеев

А искупление – есть?
Позор предателям – в потомках вечен.
Их время не простит – а жалкий прах
Измучится, мечтая кануть в Лету.
Изменникам – проклятие в веках!

Наталья

Ну, вот опять кричишь. Ты обещал!

Рылеев

Прости, любимая. ...Я б в жизни не прощал
Измену делу.

Кюхельбекер

Только... ЧТО измена?
Как можно оценить, не зная цену?
Потомки выяснят – кто прав был, а кто нет.

Рылеев

Откуда выяснят – дозволейте дать ответ?

Кюхельбекер

Потомкам правду донесут поэты.
Их слово – не убить. Оно живёт,
Траве подобно, к солнцу прорастает.

Якубович

Я – ухожу. Мой день ещё настанет!
Тут душно, как в могиле. (*уходит*)

Рылеев

Пусть идёт.

А мы займёмся делом. Трепотня
Бесцельная замучила меня.

Кюхельбекер

Зачем ты жёстко так?

Рылеев

Затем, что время
Не позволяет нежничать со всеми.
Повсюду бунт, крестьянские волнения.
А надобен порядок. Промедленье
Подобно смерти.

Трубецкой

Кюхельбекер прав.
Не ради власти, власть штыками взяв,
Нам должно возратить её народу –
Как обещали.

Рылеев

Нытикам в угоду,
Мы ни за что не отдадим свободу!!

Наталья

Ты вновь кричишь.

Рылеев

Отстань. Не до тебя.

Наталья

Ах, так? Так я уйду... тебя любя
И плача, по причине оскорбления! *(но не уходит)*

Кюхельбекер

Кондратий, подожди. Но как же бунт?
Крестьян не усмирить без послаблений.

Рылеев

Нет! Жёсткостью. Чтоб через поколения

Крестьянин, помня справедливый кнут,
 В богатстве благоденствия дохода,
 Был плётке благодарен за свободу.
 У нас, в России власть – ничто без страха.
 Но ничего. Тут главное начать.

Пушкин

И как же собираетесь страшать?

Рылеев

Где нужно – армию, где нужно – плаху.

Пушкин

Я ухожу.

Рылеев

Куда?!

Пушкин

Туда – где честь.

Где слово – не медяк. И совесть есть. (*уходит*)

Наталья

Ну, вот... ушёл. Как ты, Кондратий, груб!

Он мне в альбом свой стих вписал рукою.

Когда б ты не был, как упёртый дуб,

Прочёл бы Пушкин что-нибудь такое...

Третья картина

Квартира Кюхельбекера. Пушкин, Кюхельбекер и Юстина.

Кюхельбекер

Что происходит, Пушкин, объясни.

Пушкин

Идёт террор, сжирающий Россию.

Цена свободы – смерть, разбой, насилие.

Кюхельбекер

Но... как же так? К добру вели они –

Когда на площади...

Пушкин

То был обман.

Обман солдат, обман всего народа –

Нам так приятен розовый туман,

Которому название – свобода!

Но... что там, за туманом? И к чему

Он розовый? Не от избытка ль крови?

Мне страшно, Кюхля. Наш кошмар не новый –

Повторность у истории...

Кюхельбекер

Кому

Предвиделся б подобный поворот –

Дворяне... палачи? Им нет прощенья!

Сыны России корчатся в мученье...

Пушкин

На плахе, Кюхля, не сыны – народ.

Но что тут странного? Есть у волков обычай –

Забравший власть, не делится добычей.

Дай палачу топор, и с ним всё ясно.

Кюхельбекер

Ты говоришь опасно.

Пушкин

Тут все свои. Не правда ли, Юстина?

Кюхельбекер

Сестра – своя. Но что же за напасть –

Привычка к осторожным рассуждениям!
Мы – словно тухлый пруд, покрытый тиной.

Боимся словом в яблочко попасть,
И пестуем трусливые сомненья.

Юстина

Вильгельм, не возбуждайся! Он у нас,
Как спичка, возгорается, подчас.

Пушкин

И скачет так, что падает со стула.

Юстина

Пойду, окно закрою, чтоб не сдуло.

Кюхельбекер

Опять насмешки?

Пушкин

Кюхля, мы ж друзья!

Юстина

Идут жандармы. К нам. Скорее скройся.

Кюхля

Куда?

Юстина

Не знаю. В шкаф... иль под кровать...

Но оставаться здесь тебе нельзя. *(Кюхельбекер послушно прячется под кровать)*

А ты... снимай, что сможешь...

Пушкин

Как... снимать?

Юстина *(приводя в максимальный беспорядок собственную одежду)*

Ты будешь – мой любовник. Успокойся.

Точней... волнуйся. Нужно растрепать

Небрежнее одежду – будто нас

Застали непредвиденно.

Пушкин (*торопливо выполняя указание*)

Сейчас...

Но объясни. К чему вся суматоха?

Я логику твою читаю плохо.

Зачем мистификация нужна?

Юстина

Любовник – ты. А... я – его жена.

Пушкин

Родного брата?!

Юстина

Есть идеи лучше?

Молчи. И притворяйся чёрной тучей,

Которую застали среди дня.

Пушкин (*торопливо кидаясь на кровать*)

Молчу. Лежу. Надейся на меня.

Кюхельбекер

Эй, осторожней! Не сломай скелет.

Пушкин

Лежи и не дыши. Тебя здесь нет.

Грубый стук в дверь.

Юстина

Иду-иду... Кто там?

Жандармский офицер

Откройте двери!

Мы – с предписанием.

Юстина (*открывая дверь*)

Я верю... верю...

Входит жандармский офицер, в сопровождении двух жандармов.

Жандармский офицер

Вильгельма Кюхельбекера жильё?

Юстина

Его. Вы не ошиблись. И моё.

Жандармский офицер

А Вы-то кто?

Юстина

А я жена Вильгельма –

Юстина Кюхельбекер.

Жандармский офицер

Что за чушь?

Он не женат!

Юстина

Ошиблись. Он – мой муж.

Жандармский офицер

Так пусть встаёт. Он нынче арестован. *(Пушкину)*

Что смотрите? Вставайте и пошли.

(одному из жандармов) А ты не подходи. И стой вдали.

И не дыши сюда – ишь, залил бельма!

Пушкин

Прошу меня простить... я так взволнован...

Но я – не он.

Жандармский офицер

А кто?

Юстина

Любовник... вот.

Вы мужу не скажите – умоляю!

Жандармский офицер

Постойте... ничего не понимаю.

Она правдива? Или нагло лжёт?

Жандарм *(тот, который не качается, внимательно рассматривает бумагу с описанием)*

Нет. Не похож. Другое описание.

Юстина

Но я-то вам о чём? В крови желанье...

Дождаться мужа не хватило сил!!...

Пушкин

А я, как раз, неподалёку был.

Юстина

Но кто он, этот гость чрезвычайный,

Хотелось бы мне скрыть завесой тайны.

Жандармский офицер

Мадам, я понимаю. Мой пардон.

Я исчезаю, словно сахар таю –

Любовник, безусловно, вещь святая.

Ах, отчего при Вас не я, а он?!

Юстина

О, как Вы горячи! Не нужно печки.

Жандармский офицер

Мадам, я пригласил бы Вас в местечко...

Могу ль надеяться, что снова Вас увижу,

Чтоб оказаться не вдали, а... ближе?

Юстина

Как знать... как знать... Уйдите! Муж придёт...

Жандармский офицер

И здесь меня с любовником найдёт! *(с громким гоготом, уходит, жандармы следуют за ним)*

Пушкин и Юстина слушают удаляющиеся шаги. Удостоверившись, что всё тихо, вытаскивают из-под кровати Кюхельбекера.

Пушкин

Довольно, милый Кюхля, хватит спать –

Пора бежать!

Юстина

Возьми одежду кучера. Ты в ней

Похож на одного из трёх коней –

Того, что пристяжной.

Кюхля

Ну, ты и язва!

Но разыграла свой спектакль прекрасно.

Я твой должник.

Юстина

Беги, должник, беги! (*Кюхельбекер спешно исчезает*)

И Бог тебе, братишка, помоги.

Четвёртая картина

Горошин, больной, лежит в постели. Рядом с ним, на стуле – Анна.

Анна

Разве можно так безрассудно?

Подставляя себя под удар?

Неужели, мой милый, трудно

Поберечь себя? Снова – жар!

Горошин

Жар любви.

Анна

Алексей, не надо.

Мне совсем не до шуток.

Горошин

Нет.

Я – серьёзен. Вы – сердца свет,

Вы – надежда, средь мрака ада,

Вы наполнили тягость суток

Чистым образом. Только Вы...

Анна

Разве тягостно Вам?

Горошин

Увы.

Сколько месяцев, как убитый,

Здесь лежу, ото всех закрытый –

Ни журнала, ни новостей...

Анна

И не надо. Раз нет вестей –

Всё спокойно.

Горошин

Уютен плот,

Но куда нас река несёт? (*стук в дверь*)

Там... стучат! Вот она, потеха –

Чуть сказал, тут же гость приехал.

Вбегает Пушкин.

Пушкин

Друзья, а вот и я!

Горошин

Любезный друг!

Как рад тебе! Ты с Анною знаком?

Я, знаешь ли, теперь её супруг.

Пушкин

Не описать восторга языком...

Горошин

Мой друг поэт, чья слава – ярче солнца!

Он – Пушкин Александр!!!

Анна

Сердца стук...

Прочтите мне немного... для знакомства.

Пушкин

Прочесть? Но что?

Анна

О чём-нибудь... ужасном.

Пушкин

Прекрасно –

«Любовью мертвеца» пугать вас буду.

Анна

«Любовью мертвеца»? Вот чудо!

Анна усаживается поудобнее, в готовности слушать. Пушкин декламирует, встав в романтическую позу.

Пушкин

Черепушка скалит зубы,

Над кладбищем волчий вой...

Что же ты, моя голуба,

Притворяешься живой?

От тебя – мороз по коже

И холодной страсти дрожь!

Ты – красавица. Но, всё же,
Мне подобных не найдёшь.

То ли тлен... то ли влюблённость...
То ли счастье... то ли смерть...
Друг на друга обречённость...

Потому – рискуя сметь,
На костяшках посчитаем
Плюсы-минусы страстей.
И, обнявшись, намечтаем
Свадьбу... жизнь... судьбу... детей...

Но... рассвет.

Пора обратно
В гроб ложиться на постой –
Множа эхо многократно
Черепушкою пустой.

Анна

Ах, нехороший, Вы сошли с ума –
К чему все эти ужасы? Кладбище,
Мертвец влюблённый... вот – лишили сна!
Зачем фантазия такие темы ищет?

Пушкин

К чему фантазия? Наверное, к тому,
Что путь к могиле – верный путь уму.
Чем выше ум, тем глубже зев могилы.

Анна

Противный Пушкин!

Пушкин

Нет. Я... очень милый.

Горошин

Ты, Аннушка, скажи, чтоб принесли
Вина и фруктов. Гость уж больно знатный.

Анна

Иду-иду. Но поскорей обратно
Вернусь. *(убегает)*

Горошин *(вальяжно)*

Ну... как... дела земли?

Пушкин

Царя казнили.

Горошин *(вскакивает)*

Где?! Когда?!!

Пушкин

Вчера.

С наследником и братом.

Горошин

С Михаилом?

И Сашеньку... мальчишечку?!!!

Пушкин

Спешили

Весь род их извести. Хотели б больше,
Да Константин, как крот, укрылся в Польше –
Лишь только из столиц домчались вести.
А остальных – гурьбой казнили... вместе.
Но палачи в России – мастера!
А, в общем-то, и мне давно пора
На плаху встать – там, ныне, место чести.

Горошин

Об том ли думалось, когда в собраньях тайных
Мечтали о делах чрезвычайных?
Кто во главе?

Пушкин

Рылеев. Ох, лютует!

Возглавил трибунал. Бореем дует –

Пригнулась Русь к земле от жёстких мер.

Горошин

Кондратий получился... Робеспьер?

Пушкин

Ну да, примерно так... палач Парижа –

Взобрался на помост, от крови рыжий,

И раздаёт свободу. От всего.

От жизни, в основном.

Горошин

Убить его?

Пушкин

От крови – только кровь. Убийств довольно.

Я мертвецов друзей считать устал.

Жаль, лирой палачам помог невольно –

Кто ж знал?

Горошин

...Кристалльна идея, в своей красоте,

Да к власти обычно приходят не те.

При Аннушке – молчи.

Пушкин

Чай, не дурак.

Грубый стук в дверь.

Горошин

Опять стучат. Ну, отчего же так –

То никого, то гости... косяком?

Входят жандармы. За ними, с широко открытыми от ужаса глазами – Анна.

Жандармский офицер

Горошин Алексей – он вам знаком?

Горошин

Он – перед вами.

Жандармский офицер

Собирайтесь с нами.

Вы – арестованы.

Пушкин

Он – на ноги не встанет.

Он болен, вы не видите?

Жандармский офицер

А вы,

Простите, кто?

Пушкин

Я Пушкин.

Жандармский офицер

Знаю-знаю!

Известнейший поэт, России знамя –

Вы также арестованы.

Пушкин

Увы,

У правосудия – душа черна,

Рука его кровава, но... длинна.

Жандармский офицер

А я вас помню. Вы – амур Юстины!

Она права – у вас такое имя...

И повезёт же вдруг! Как рифмой – стих,

Одним крючком – двоих!

Горошин (*поднявшись, через силу, прощально обнимает Анну*)

Прощайте, Аннушка. Вы – свет моей души.

Жандармский офицер

Довольно обниматься. Поспешим.

Жандармы, подхватив под руки, выносят обессиленного Горошина. Жандармский офицер и Пушкин следуют за ними.

Жандармский офицер

Вы точно – Пушкин?

Пушкин

Точно.

Жандармский офицер

Очень рад.

Я – Вас люблю, читаю всё подряд,

Но более всего, со страстной силой,

В восторге от «Руслана и Людмилы»!

Анна, которая за всё это время не вымолвила ни слова, оглушённая произошедшим, словно сомнамбула, идёт по опустевшей комнате и... с рыданиями бросается на постель Горошина.

Пятая картина

Виселица на пятерых. Осуждённые Горошин, Пушкин, Якубович, Кюхельбекер, митрополит Евгений. Палач в готовности к действию. Рылеев и Грубецкой на помосте перед народом.

Рылеев

На площади Каховского, сегодня
 Казним убийцу, чей кинжал пронзил
 Святое сердце.

Горошин

Это – выстрел был.
 Дуэль была честна. Ты – сам свидетель.

Пушкин

Надеешься, что он тебе ответит?
 Дорвался до толпы трибун народный –
 Как тетерев, токует... сея ложь.

Рылеев

Мы в новый день, скорбя, глядим свободно,
 А он – погиб. И вот его злодей,
 Коварно оборвавший жизнь героя!
 Мы отомстим. И новый мир построим –
 Счастливый мир воскреснувших людей!

Горошин

А чтоб народ воскрес – сперва убьешь?

Якубович

Народ молчит, нас обрекая мукам.

Пушкин

Народ безмолвствует, жестокостью испуган.

Митрополит Евгений

Прости им Бог. Не ведая – творят.
 Свобода – в кубке. Но свобода – яд,
 Опасный без привычки.

Рылеев

Рядом с ним
 Стоят злодеи, чья вина ужасна,

Их замыслы черны, а мысль опасна.

Но мы на страже совести стоим

Не допуская грешного сомненья,

Несущего нам смерть и разложение!

Пушкин

Мои грехи – стихи. Что делать с ними?

Митрополит Евгений

Пускай живут. И прославляют имя.

Горошин

А Аннушка хотела вслед за мною

На каторгу в Сибирь...

Кюхельбекер

Всё – чуть иначе.

Горошин

Так даже лучше. Пусть мой труп оплачет

И снова станет счастлива... женою.

Пушкин

Боюсь, не станет. С чувствами такими,

Пожизненно верны своим любимым.

(Кюхельбекеру) Ты так и не удрал?

Кюхельбекер

Схватили в Польше.

Была свобода рядом. Но... увы.

Пушкин

Немножечко петли для головы –

Свободы станет нестерпимо больше.

Весь мир откроется для сироты-души!

Но я б к такой свободе не спешил.

Якубович

А я жалею, что не пал от пули

Там, на Кавказе.

Митрополит Евгений

Такова судьба.

Прими, Господь, несчастного раба.

Его глаза пока что не уснули,

Но близок миг.

Рылеев (*громогласно*)

Пускай в последний раз

Их слово пронесётся над толпою!

Предсмертные слова заденут вас,

Вы провожайте извергов с любовью –

И свет надежды в красный цвет окрасьте!

Свобода, революция и счастье!!

Трубецкой (*вполголоса*)

Кондратий, революция – пустыня,

На горизонте призрачный мираж...

Костями лучших устлана дорога.

Бог отвернулся, видя подвиг наш.

Ведь кровь убитых – нам вода, отныне.

Рылеев (*также вполголоса*)

Помилуй, князь, где ты увидел Бога?

Идёт резня – по мясу душ, по нервам.

Оправдан тот, кто ударяет первым.

Осуждённые, меж тем, выходят на помост со словами прощанья.

Якубович

Я ухожу. Пред вами – офицер,

Чья доблесть в испытаниях военных,

Бывала образцом, обыкновенно.

И вот я – малодушия пример.

Боритесь те, кого судьба согнула.

Простите, что не так. Но лучше б... пуля.

Митрополит Евгений

Молитесь за рабов, чей путь извилист,

Но мысли неустанно были с Ним!

Прощаюсь с телом, но душой храним.

(указывая на Рылеева) Дракон безбожья из пещеры вылез –

Изыди, сатана! Навеки сгинь!

...Благословляю терпящих. Аминь.

Горошин

Раскаиваюсь в том, что сомневался,

А лучше бы – стрелял! Моя вина,

Что высится над Русью сатана.

Я должен был... Простите.

Кюхельбекер

Отказался

От слов последних я. Вы, среди дня,

Вдруг... помяните, как-нибудь... меня.

Пушкин *(решительно)*

Главой казнённого царя,

Скатилось солнце в кровь заката.

Мечты огарками горят,

И тьма – грядущая расплата.

Добро свирепствует во зле,

В жестоком, бешеном экстазе –

Как будто снова по земле

Гуляют Пугачёв и Разин.

Не вы ли обещали нам
Свободу, равенство и братство?
Уже ли честь осталась там –
На гордой площади Сенатской?

Орёл, лишившийся голов,
Крылами бьёт. Но обессилил.
Во имя убиенных слов,
Прими насилие, Россия!

Барабанная дробь. На головы осуждённым накидывают мешки.

Рылеев

Стих – так себе. Изящества в нём нет.
За строчками заметен страх растущий.
Мог, напоследок, написать и лучше.
Жаль Пушкина. Хороший был поэт.

Барабанная дробь – всё громче.

Рылеев (неожиданно задумчиво)

...И я бы мог, как шут,
В петле болтаться тут.

Трубецкой

Кондратий, ты о чём?

Рылеев

Всё надоело.
Я спать пойду. Ты – завершаешь дело. (*уходит*)

Трубецкой

Колоду жизни глупый чёрт тасует,

Судьбы реальность на воде рисуя –
 Чуть-чуть другой порядок карт в колоде,
 И вот уж ты... в кровавом хороводе.
 Как вышло, что, повергнув палачей,
 Мы сами удобряем кровью плаху?
 Во имя правды? Иль во имя... страха,
 Прикрытого красотью речей?
 И стоит ли бескрайняя свобода
 Могил для недостойного народа? *(неожиданно пристально смотря в зал)*
 Но это – так... лишь совести укор.
(громогласно) Скорее исполняйте приговор!

Невыносимо громкая барабанная дробь. Затемнение.

Шестая картина

Действие возвращается к концу первого действия. Сенатская площадь. Орудия заряжены, но приказа на выстрел ещё не было. Николай всё также задумчиво одинок. Остальные – в томительном ожидании его решения. Артиллеристы продолжают свою бесконечную тему.

Первый артиллерист

Не отсырел бы порох – ишь, метёт!
 Погода взбунтовалась. Что-то будет?

Второй артиллерист

Известно, что – кишки себе застудим!

Первый артиллерист

А царь молчит. Наверно, ночи ждёт...

Первый артиллерист

Дождётся, бедолага. Вместе с ночью

И царство потеряет...

Второй артиллерист

Нету мочи,

Как холодно! Аж на ресницах лёд.

Первый артиллерист

Не отсырел бы порох – ишь, метёт!

Придворные, тем временем – в ожидании событий, на грани отчаяния и упадка.

Первый придворный

Что государь? В сомнениях?

Митрополит Серафим

Всё то же.

Орлов

Теряем время.

Митрополит Евгений

Помоги нам Боже!

Пусть вразумит на действие!

Орлов

Встаёт!

Похоже, дождались... сейчас начнёт.

Первый придворный

Навряд ли. Не начнёт. Порвались струны.

Походит – сядет вновь. Чтоб дальше думать.

Николай, по-прежнему, никого не замечая.

Николай

Какой кошмар... привидится ж такое –

Как будто в ложе посмотрел спектакль.

... Неужто кроме, как путём разбоя,
Россия не пойдёт? Но... верно? Так ли?

Росток свободы в нашей почве чахнет –
Где русский бунт, там мерзко кровью пахнет.
В стремленье к лучшему, мы, в результате,
На волю выпускаем злую силу –
Из века в век, надежде жизнью платим,
А получаем... плаху да могилу,
Лишь твёрдая рука спасёт страну
От вольнодумства. Нет пути иного.
Хотел объятья дружбы распахнуть,
Но... пушка убедительнее слова.
Они ведут народ к закону скотства,
Где зуб – за зуб, где казни – вновь и вновь.
Где убивают кротость и любовь –
За слабость принимая благородство!
Их надобно давить, хоть это жалко,
Любовь к своей земле внушая палкой!

... Довольно дум! Горошин, подойдите!
Я знаю всё. Но верю, как себе.
Вы, говорят, решительны в стрельбе?
Умение на деле покажите.

Горошин

Простите, государь, но там свои.

Николай

Которые своим стреляют в спину?
Я понимаю Вас, прощаю вины,
Но как Вы были с ними? Как смогли?!

Там нет надежды – хаос, злоба, тьма,
Сравнимые с началом мирозданья.
Отринут Бог, и горе... без ума.
Отрава бесовщины – их сознание.
Обещанное ими – только сны.
Обманщики, за пару слов красивых,
В крови готовы утопить Россию!
Но стоит ли страна такой цены?

...Мы можем уступить, подставив щеку,
А можем гидру подавить жестоко.
Мы можем сдаться, день сменяя на полночь...

Горошин

Нет, всё-таки... шрапнель!

Николай

Крошите сволочь.

Занавес

boch-tdnl@yandex.ru
8-903-73-73-578 (Дмитрий)